
СВЯЗЬ ВРЕМЕН

А. И. КОГАН

О НЕКОТОРЫХ ВАЖНЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЭТНОСА И ЛАНДШАФТА В ПАМИРО- ГИНДУКУШСКОМ РЕГИОНЕ

В статье исследуются некоторые черты традиционного мировоззрения этносов Памиро-Гиндукушского ареала. Демонстрируется, что системы базовых ценностей этих этносов содержат диаметрально противоположные ценностные блоки. Автор пытается найти объяснение данному факту и приходит к выводу, что причину его следует искать в ряде особенностей характерной для региона системы жизнеобеспечения. Важнейшей из таких особенностей является вовлечение в единый хозяйственный механизм весьма различных в ландшафтно-климатическом отношении территорий.

Ключевые слова: *социоестественная история, этническая экология, этническая психология, системы ценностей, горные народы, горное скотоводство, высокогорное земледелие, Памиро-Гиндукушский регион.*

Взаимодействие этнических групп и природы населенных ими территорий изучается с разных позиций в рамках целого ряда отраслей знания: этнологии, истории, географии, экологии (в том числе этнической) и некоторых других. Важнейшее место анализ подобного рода процессов занимает в исследованиях по социоестественной истории (СЕИ). В центре внимания данного научного направления находятся Человек хозяйствующий и его природное окружение. Основатель СЕИ Э. С. Кульпин указывал, что взаимодействующий с природой человек должен рассматриваться на уровне этноса и суперэтноса – этнической системы, включающей несколько этносов (Кульпин 1995; 2016). При этом жизнь этнических общностей рассматривается прежде всего как освоение ими окружающей природной среды (вмещающих ландшафтов), осу-

ществляемое через хозяйственную деятельность, обусловленную определенным мировоззрением и одновременно обуславливающую это последнее (Кульпин 2014). Выявление мировоззрения (ментальности) тех или иных этнических коллективов в его тесной связи с традиционной системой природопользования¹ мыслится как конечная цель социоестественных исследований.

Представляется несомненным, что к настоящему времени в данной области уже получены весьма ценные результаты. Прежде всего это касается изучения ментальности трех суперэтносов: дальневосточного (китайского в своей основе), западноевропейского и российского (Кульпин 1996, 1999; Кульпин, Пантин 1993; Кульпин и др. 2005). Вместе с тем не менее очевидна целесообразность продолжения исследований в рамках социоестественной истории на новом, ранее не привлекавшемся для анализа материале. Такое развитие «вширь» молодой, все еще формирующейся научной дисциплины позволило бы не только уточнить и приумножить наши знания об этническом многообразии человечества, но также апробировать и – в случае необходимости – усовершенствовать существующую методологию СЕИ, тем самым способствуя увеличению возможностей данной науки в будущем. В настоящей работе будет сделана первая попытка комплексного рассмотрения системы «природа – хозяйство – ментальность» у народов, населяющих горные области Памира, Гиндукуша и Каракорума.

Результаты наших недавних исследований (Коган 2019, 2021a) показали, что этносы Памиро-Гиндукушского региона² характеризуются весьма близкими, а в ряде важнейших черт идентичными, традиционными хозяйственными системами. Есть основания предполагать наличие в данном ареале общей технологии основного хозяйственного процесса³, то есть общих правил взаимодействия

¹ Э. С. Кульпин в некоторых своих исследованиях говорит о триединой системе (триединстве) «природа – хозяйство – ментальность» (Кульпин 2008).

² О термине «Памиро-Гиндукушский регион», традиционно применяемом к горным областям Памира, Восточного Гиндукуша, Каракорума и отчасти Западных Гималаев, расположенным ныне в границах пяти государств (Таджикистана, Афганистана, Пакистана, Индии и Китая), см., например: Грюнберг, Стеблин-Каменский 1974; Коган 2019.

³ О технологии основного хозяйственного процесса как об одном из базовых понятий СЕИ см., например: Кульпин 2011. Считаем нужным оговорить, что в дальнейшем речь пойдет об основной технологии, характерной для Памиро-Гиндукушского региона вплоть до второй половины XX в. Последние три-четыре десятилетия были для значительной части ареала временем кардинальных изменений в хозяйственной и технологической сферах, связанных, в частности, с мо-

человека с окружающей средой. Важность данного факта с точки зрения социоестественных штудий трудно переоценить. Исходя из упомянутой выше тесной связи хозяйства и мировоззрения, социоестественники рассматривают технологию как своеобразное зеркало ментальности, а общность технологии – как вероятное свидетельство общности представлений о мире и о себе, причем изучение хозяйства видится как ключ к пониманию этих представлений⁴. Если принять во внимание, что о традиционной экономике народов Памиро-Гиндукушского ареала к настоящему времени накоплен достаточно значительный объем знаний, невозможно не задаться вопросом: можем ли мы сейчас составить хотя бы самое общее представление о мировоззрении этих народов? При попытке найти ответ на данный вопрос с использованием методологии СЕИ мы столкнулись с целым рядом неожиданных трудностей, в том числе теоретического характера. Прежде чем перейти к их детальному обсуждению, представляется целесообразным напомнить некоторые важные положения социоестественной истории.

Важнейшим компонентом ментальности, согласно СЕИ, является система базовых ценностей, обычно неосознанная, но всегда присутствующая в коллективном бессознательном. Ценность рассматривается социоестественниками как психологический, в том числе коллективно-психологический, феномен⁵. Указывается, что

дернизацией сельского хозяйства и оттоком рабочей силы в несельскохозяйственные отрасли экономики. Изучение влияния этих изменений на ментальность памиро-гиндукушских этносов выходит за тематические рамки данной работы и является делом будущего. Главная задача настоящей статьи – сделать шаг к пониманию взаимосвязей и взаимодействия природы, хозяйства и ментальности на исследуемых территориях до начала недавних трансформаций.

⁴ Следует сказать, что данный круг идей в СЕИ является по существу развитием выдвинутой Л. Н. Гумилевым концепции этнического стереотипа поведения. Согласно ей, стереотип поведения этнической системы складывается в процессе адаптации последней к окружающей среде и включает передаваемые из поколения в поколение нормы отношений между коллективом и индивидом, индивидов между собой, внутриэтнических групп между собой, между этносом и внутриэтническими группами, между представителями этноса и иноплеменниками, а также навыки адаптации в ландшафте (Гумилев 1989; Мичурин 1993). Представляется очевидным, что все вышеперечисленное составляет важнейшую часть представлений членов этноса о мире и о себе.

⁵ Понимание данного феномена в СЕИ представляется весьма близким, например, к таковому у американского психолога Милтона Рокича, определявшего ценность как стойкую убежденность (личную или коллективную) в предпочтительности определенного способа поведения либо определенного конечного состояния (Rokeach 1973: 5).

общий набор ценностей в целом един для всего человечества, однако их иерархия по степени значимости различна для представителей разных этнических общностей и цивилизаций⁶. Соответственно, различны и те подмножества ценностного массива, которые воспринимаются как основные (базовые). В некоторых случаях можно даже говорить о зеркальной противоположности таких подмножеств⁷. Памиро-Гиндукушский регион в данном отношении представляет собой чрезвычайно интересный объект исследования: предварительный анализ традиционного хозяйства и общественного устройства, характерного для населяющих его этносов, дал основания предположить, что в общей для них ценностной системе сосуществовали два блока зеркально противоположных ценностей.

Первый из этих блоков включал ценности, так или иначе связанные с личностью. Весьма важное место в нем занимала ценность индивидуальной автономии. Стремление к относительному уединению и вместе с тем к самостоятельности в принятии решений, по всей видимости, иногда четко осознавалось жителями рассматриваемого региона и могло выражаться по-разному. Достаточно ярко оно проявлялось, например, в комплексе представлений, связанных с сезонным выпасом скота на горных пастбищах. Период выпаса нередко воспринимался как самый счастливый в жизни, изображался в романтических красках, ассоциировался не в последнюю очередь с раздольной жизнью, со свободой от многих условностей, действовавших в течение остальной части года, и четко противопоставлялся стесненному и скученному проживанию в долине (Snoy 1993; Zarin, Schmidt 1984).

У подобных представлений, несомненно, были реальные основания. Находясь на пастбище, памирский, гиндукушский и каракорумский горцы пребывали в обстановке, резко отличной от той, что существовала в его родном селении. Его жизнь протекала на открытом пространстве с низкой плотностью населения, где он был

⁶ «Основные ценности... не исчерпывают весь ценностный компендиум, который довольно велик (психологи, например, относят к ценностям около пятисот понятий) и в целом един для всех: все мы люди, и ничто человеческое нам не чуждо... Хотя компендиум систем ценностей разных цивилизаций по большому счету един, значимость каждой отдельно взятой ценности и их отдельных наиболее тесно взаимосвязанных совокупностей в разных цивилизациях различна. В каждой конкретной цивилизации расположение ценностей согласно определенной значимости дает разную их иерархию» (Кульпин 1995).

⁷ Таковы, в частности, системы базовых ценностей западноевропейской и китайской цивилизаций (Кульпин 1995; 1996).

во многом предоставлен самому себе, свободен в своих действиях и избавлен от необходимости согласовывать эти действия (в частности, связанные с уходом за скотом и его охраной) с мнением односельчан. Как было показано в одной из наших недавних публикаций, большая психологическая привлекательность занятия отгонно-пастбищным скотоводством могла стать одной из глубинных причин традиционно массового характера данного рода деятельности в Памиро-Гиндукушском ареале (Коган 2021а). Участие в пастбе и вертикальных перекочевках со стадами обычно являлось здесь делом не малочисленных профессиональных пастухов, как это было во многих других горных областях Евразии, а большей части взрослого мужского населения⁸. Данная особенность традиционной экономики, вероятнее всего, явилась одним из результатов сложного процесса адаптации в высокогорных областях степных скотоводческих арийских племен, в течение многих веков мигрировавших в регион с севера и запада и сыгравших весьма важную роль в этногенезе его населения (Там же).

К высокой ценности индивидуальной свободы, по-видимому, имеет определенное отношение и практически повсеместное распространение в рассматриваемом ареале института частной собственности. В частных руках здесь традиционно находилась пахотная земля, свидетельства чего мы находим во всех сколь-нибудь подробных описаниях памиро-гиндукушских хозяйственных и социальных систем. Наследственное крестьянское частное землевладение вплоть до 30-х гг. XX в. было характерно для припамирских народностей таджикского Бадахшана (Андреев 1958; Мухиддинов 1984). В той или иной форме оно отмечено также в афганском Бадахшане (Kusmaul 1965), в Западном Каракоруме (Snoy 1975), в Кохистане Свата и Инда⁹ (Barth 1956), в Хунзе¹⁰ (Лужецкая 1986; Müller-Stellrecht 1979; Kreutzmann 1989). В области Читрал¹¹ в эпоху

⁸ При этом дойка скота и производство молочных продуктов во многих долинах было закреплено за женщинами.

⁹ Горные районы в верховьях р. Сват и примыкающая к ним с востока часть долины Инда. Ныне Кохистан Свата и Кохистан Инда входят в состав пакистанской провинции Хайбер-Пахтунхва (до 2010 г. – Северо-Западная пограничная провинция).

¹⁰ Область на стыке Восточного Гиндукуша и Западного Каракорума. Ныне входит в состав административной единицы Гильгит-Балтистан на севере Пакистана, до 1974 г. – полунезависимое княжество.

¹¹ Ныне округ на крайнем севере пакистанской провинции Хайбер-Пахтунхва, до 1969 г. – княжество (в 1895–1947 гг. находилось в вассальной зависимости от Британской Индии, в 1947–1969 гг. – от Пакистана).

существования в ней монархической формы правления, а также в Центральном Каракоруме (Балтистане) верховным собственником земли официально считался монарх. Однако на практике он мог лишь в определенной степени ограничивать частное владение землей, например, применяя конфискацию земельного участка в качестве меры наказания за отказ от несения государственных повинностей (Parkes 2001; Schmidt 2008; Коган 2019). Пастбища, в отличие от полей и садов, как правило, принадлежали роду или общине, но скот обычно был частной собственностью крестьянина. Поскольку в традиционной для Памира, Гиндукуша и Каракорума земледельческо-скотоводческой экономике как земля, так и скот являлись основными средствами производства, а земля была также важнейшим природным ресурсом, можно с полным основанием утверждать, что обладание тем и другим могло обеспечить владельцу немалую степень экономической независимости.

Важно отметить, что частная собственность на землю существовала, несмотря на стоявшую во всем регионе острейшую проблему хронического земельного дефицита. Последний являлся первопричиной частых конфликтов между домохозяйствами из-за сельхозугодий¹². Подобного рода межсемейные столкновения были одной из основных черт повседневной жизни в селениях. Отношения между односельчанами нередко характеризовались взаимной подозрительностью, периодически перераставшей в откровенную вражду, сопровождавшуюся физическим насилием¹³. Представляется вероятным, что именно всеобщая атмосфера конкурентной борьбы стала одним из важнейших факторов, благоприятствовавших распространению во многих долинах обычая кровной мести¹⁴. Иными словами, институт частной собственности на землю можно

¹² Непосредственной причиной подобных конфликтов в ряде случаев было отсутствие официального оформления земельных отношений и четких правил наследования.

¹³ См., например, красочное описание подобной напряженной атмосферы, царившей среди жителей одного из селений в верхнем течении р. Панджкора на севере Пакистана, сделанное американским социальным антропологом Линкольном Кейзером в работе (Keiser 2002).

¹⁴ О кровной мести см., например: Barth 1956; Keiser 2002. Не исключено, что еще одним следствием преимущественно конкурентного характера межличностных и межсемейных отношений в памиро-гиндукушских сообществах было традиционно широкое распространение в регионе состязательных видов спорта, наиболее популярным из которых являлось конное поло. Подробнее об особенностях этой игры в исследуемом ареале и ее недавних трансформациях там см.: Parkes 2005.

с полным основанием считать главным «виновником» значительного возрастания числа угроз жизни и здоровью человека. Несмотря на это, данный институт обнаруживает удивительную жизнеспособность, существуя в большей части ареала¹⁵, по всей видимости, не одно столетие. Подобная ситуация едва ли была бы возможной, если бы частная собственность не обладала в глазах представителей памиро-гиндукушских этносов весьма значительной самостоятельной ценностью.

Институт частной собственности в Памиро-Гиндукушском ареале традиционно существовал в условиях отсутствия сильной государственной власти. Как известно, политические системы с высоким уровнем централизации и концентрации властных полномочий в руках правителя нежизнеспособны в высокогорных областях, главная причина чего заключается в невозможности обеспечить в условиях горного рельефа необходимую для успешного функционирования таких систем интенсивность коммуникаций (Коротаев 1995). Для населения ряда долин Восточного Гиндукуша был характерен тип политической организации, близкий к акефальному¹⁶. Важнейшие решения в таких сообществах принимались коллективно в рамках коллегиального органа, включавшего представителей всех домохозяйств или кланов (Barth 1956; Frembgen 1999). В остальной части региона была распространена монархическая форма правления, но реальная власть правителя там была далеко не абсолютной. Его отношения с аристократией и с главами кланов, обладавших весьма широкой автономией, строились фактически на договорной основе, а принятие решений на местном уровне осуществлялось, опять же, преимущественно коллегиально¹⁷.

¹⁵ Исключения из этого правила немногочисленны: в Горно-Бадахшанской автономной области Таджикистана частное владение землей отсутствовало во времена господства колхозного строя; в областях, входивших в 1846–1947 гг. в состав вассального от Британской Индии княжества Джамму и Кашмир, правитель (махараджа) последнего официально являлся единственным собственником земли.

¹⁶ Некоторые исследователи называют подобные политические образования республиками (см., например: Йеттмар 1986).

¹⁷ Об автономии кланов в Читрале см., например: Parkes 2001. О коллегиальных органах местного самоуправления в Гильгите см.: Dani 1991; в долине Багрот в Западном Каракоруме: Snoy 1975; в припамирских областях: Мухиддинов 1984; Kussmaul 1965. В доколониальной Хунзе собрание старейшин кланов, по всей видимости, играло важнейшую роль в принятии политических решений. Посетивший княжество в 1889 г. (то есть за три года до установления над ним британского протектората) русский путешественник Бронислав Громбчевский был свидетелем одного из таких собраний («дурбаров»), коллегиально постановившего

Существование своеобразных демократических институтов типа народных собраний представляется вполне естественным в обстановке постоянной конкуренции. Неслучайно участие в политической жизни во многих долинах было по-настоящему массовым явлением, а политическая борьба подчас могла принимать весьма острые формы¹⁸. Вместе с тем представляется несомненным, что деятельность коллегиальных органов самоуправления играла важную роль в урегулировании многочисленных внутренних конфликтов или придании им более мирного характера.

Описанные здесь особенности традиционного хозяйства и общественной жизни в долинах Памира, Гиндукуша и Каракорума (частная собственность на землю, отсутствие сильного государства, важная роль демократических институтов) позволяют предположить, что ценностная система населяющих эти долины этнических групп в ряде существенных моментов сближается с западноевропейской. Действительно, в число базовых ценностей европейской цивилизации, выделенных Э. С. Кульпиным, входят ценности свободы, равенства и частной собственности, а главной ценностью (ценностью-объектом) является личность (Кульпин 1996; 2014). Однако мы видим веские основания выделить у памиро-гиндукушских этносов еще один ценностный блок, во многом противоположный рассмотренному выше и обнаруживающий при этом близкую параллель в системе ценностей другой цивилизации – дальневосточной.

Этот блок, как нам представляется, включает, в частности, ценности порядка и традиций¹⁹. Обладая определенной степенью экономической независимости и свободы в принятии политических решений, житель памирского, гиндукушского и каракорумского селения при этом подчинялся огромному количеству установлений и табу, строжайшим образом регламентировавших отдельные стороны его жизни.

оказать военную помощь правителю соседнего Вахана (Громбчевский 2019). Правитель Хунзы не пытался (во всяком случае, открыто) ни влиять на ход обсуждения данного вопроса, ни блокировать решение собрания. Особый интерес представляет также сообщение Б. Громбчевского о том, что должность старейшины клана была выборной (Там же).

¹⁸ В наибольшей степени это относится к долинам с акефальной (республиканской) политической системой. Подробнее о политической жизни в таких долинах см., например: Barth 1956; Jettmar 1983; Keiser 2002.

¹⁹ О ценностях традиций и порядка как о компонентах системы базовых ценностей дальневосточной (конфуцианской) цивилизации см.: Кульпин 1996, 1999.

Пожалуй, наибольшее число разнообразных предписаний касалось хозяйственной деятельности. Некоторые виды работ, необходимые для успешного функционирования традиционной экономики, например строительство и ремонт ирригационных сооружений, дорог и мостов, не могли быть осуществлены силами одного крестьянского двора и поэтому требовали тех или иных форм общественной взаимопомощи. Руководство общественными работами, как правило, осуществлялось органами местного самоуправления. Участие в них вменялось в обязанность каждому взрослому мужчине, представлявшему заинтересованное в их результатах домохозяйство. Уклонение обычно влекло за собой штрафные санкции. Так, на Западном Памире отказ участвовать в обслуживании ирригационных сооружений наказывался запретом использовать воду для орошения (Мухиддинов 1984). В каракорумской долине Багрот за данную провинность налагался натуральный штраф (Snoy 1975). Строго регулировались очередность пользования каналом, время начала и окончания подачи воды на поля, а также сроки осуществления основных видов сельскохозяйственной деятельности: пахоты, сева, сбора урожая зерновых и фруктов, выгона скота на горные пастбища (Мухиддинов 1984; Müller-Stellrecht 1979; Israr-ud-Din 1996; Snoy 1975; Schmidt 2008). Нарушение сроков, опять же, каралось²⁰.

Временами ограничения могли носить весьма необычный характер. Так, в области Хунза действовал запрет на посадку фруктовых деревьев вблизи границы садового участка (ближе строго определенного расстояния). Считалось, что в случае несоблюдения данного ограничения деревья на соседнем участке из-за падавшей на них тени не получали достаточного количества солнечного света (Kreutzmann 1989). Нарушителя ждало ощутимое наказание: его дерево срубали. Существование данного и аналогичных ему запретов позволяет утверждать, что наличие в Памиро-Гиндукушском регионе частной собственности на землю уживалось с многочисленными ограничениями пользования последней²¹. Помимо хозяй-

²⁰ Интересно отметить, что в областях региона, географически весьма значительно удаленных друг от друга, наказания за некоторые провинности иногда бывали одинаковыми. Ср., например, наложение штрафа за преждевременный сбор винограда в Багроте (Snoy 1975) и в населенных народностью калаша долинах Южного Читрала (Di Carlo 2007). Данная мера применялась также в домусульманское время в восточногиндукушской области Нуристан (Robertson 1896).

²¹ По-видимому, наилучшей иллюстрацией данного факта является еще одно традиционное предписание, засвидетельствованное в той же Хунзе. Осенью после

ства, регламентироваться могли и некоторые другие сферы жизни. Так, у ряда народов региона существовали своеобразные традиционные формы планирования семьи, проявлявшиеся в регулировании времени и частоты деторождений (Jettmar 2001).

Важно отметить, что правила и табу, подобные перечисленным выше, строго соблюдались подавляющим большинством населения не вследствие контроля со стороны государства и связанных с ним институтов. Как уже говорилось, эти институты в рассматриваемом регионе традиционно были слабыми, а иногда фактически отсутствовали. Может показаться, что сказанное не в полной мере относится к ситуации в Хунзе и Читрале, где формально монарх играл важную роль в управлении хозяйственной жизнью. Вполне возможно, однако, что эти два исключения в действительности являются мнимыми. В Хунзе правитель (*тхам*) через своих чиновников осуществлял руководство строительством ирригационных сооружений и распределением воды из оросительных каналов (Sidky 1997). Однако такой порядок действовал лишь в течение части XIX в.²² в период освоения целины. В более позднюю (как, вероятно, и в более раннюю) эпоху управление водными ресурсами находилось в руках сельских кланов и опиралось на нормы обычного права (Müller-Stellrecht 1979)²³. В той же Хунзе, а также в Гильгите сев начинался со специальной церемонии, в ходе которой правитель совершал ритуал разбрасывания семян (Biddulph 1880; Schomberg 1935; Müller-Stellrecht 1979), но время этой церемонии было строго фиксированным и определялось обычаем, а роль в ней монарха была, по сути, чисто символической. В Читрале наблюдение за ирригационными работами в деревне было прерогативой должностного лица (*mir žoi*, «главы канала»), утверждавшегося царствующим

сбора урожая и возвращения стад с горных пастбищ крестьяне должны были на некоторое время предоставлять свои поля для выпаса скота на стерне. При этом ни принадлежность земельного участка, ни принадлежность пасущихся на нем животных не имела значения (Kreutzmann 1989). Все пахотные угодья фактически превращались на определенный срок в одно большое общинное пастбище, что, по сути, означало временную отмену института частной собственности на землю как такового.

²² Прежде всего в правление *тхамы* Мир Силум Хана (1790–1824). Этот правитель прославился именно масштабными гидротехническими работами и введением в хозяйственный оборот обширных целинных земель.

²³ Впрочем, существование высокоцентрализованной системы управления ирригационными работами не является бесспорным даже для эпохи Мир Силум Хана. Дискуссию по этому вопросу см., например: Frembgen 1997.

правителем-мехтаром (Israr-ud-Din 1996), однако такое должностное лицо всегда было представителем одного из кланов селения, и остается неясным, следует ли в данном случае говорить о назначении или же скорее об официальной легитимации традиционно сложившегося порядка.

Таким образом, есть основания полагать, что и в Хунзе, и в Читрале мы в действительности имеем дело не с исключительными случаями, а со специфическими местными разновидностями общей для Памиро-Гиндукушского региона модели. В рамках этой модели силу существующей веками системе запретов и предписаний придавал авторитет, освященный традициями. Люди придерживались ее не по указанию сверху, но потому что «так было принято», а убедительные свидетельства ее полезности и эффективности находили в опыте предшествующих поколений. Данное обстоятельство, как нам представляется, отличает роль традиционных установлений в исследуемом ареале от их роли, например, на Дальнем Востоке: у этносов Памира, Восточного Гиндукуша и Каракорума традиция должна была брать на себя ряд функций, которые в древнем и средневековом Китае (и культурно близких к нему конфуцианских странах) брала на себя государственная власть.

Приведенные выше факты ставят перед исследователем ряд весьма непростых вопросов, главный из которых можно сформулировать так: каким образом внутри одной ценностной системы (системы базовых ценностей памиро-гиндукушского суперэтноса²⁴) могли сосуществовать столь разнородные, трудносогласуемые, на первый взгляд, даже взаимоисключающие компоненты? Действительно, если отталкиваться от будто бы вполне согласующегося с известными фактами постулата СЕИ о системном характере связей между отдельными ценностями, представляется неясным, какими должны быть эти связи у народов Памиро-Гиндукушского региона. Пролить свет на данную проблему едва ли возможно, не обратившись к социоприродному взаимодействию и, в частности, не проанализировав роль рассмотренных нами экономических, социальных и ментальных особенностей в функционировании технологии основного хозяйственного процесса.

Традиционная экономика Памиро-Гиндукушского ареала включает две основные отрасли: пахотное (преимущественно орошае-

²⁴ Высокая вероятность существования в Памиро-Гиндукушском регионе (за исключением, возможно, Нуристана) единого суперэтноса с общей системой основных ценностей была показана нами в работе (Коган 2019).

мое) земледелие и мобильное скотоводство с вертикальным кочеванием. Эти отрасли тесно взаимосвязаны и объединены в единую систему, в рамках которой скотоводство является, помимо прочего, поставщиком необходимого для занятия земледелием удобрения – навоза, в то время как земледелие обеспечивает скот зимними кормами²⁵. Данная модель взаимодействия человека и природы является реализацией единственно возможной для рассматриваемого региона стратегии жизнеобеспечения: минимизации рисков путем максимального использования ландшафтного разнообразия (Коган 2019). В горных областях ландшафтное разнообразие проявляется прежде всего в виде высотной поясности. Каждая из вышеназванных отраслей хозяйства народов Памира, Восточного Гиндукуша и Каракорума достаточно строго приурочена к определенному поясу или группе поясов. Орошаемое земледелие ориентировано прежде всего на освоение ресурсов доньев долин²⁶, характеризующихся, как правило, аридным климатом с высокими летними температурами, недостатком пригодной для обработки земли и ее низким плодородием. Мобильное же горное скотоводство практикуется в высотных зонах, расположенных между долиной и нижней границей вечных снегов: лесной (там, где таковая имеется), субальпийской и альпийской, причем выпас производится последовательно в каждой из этих зон.

Важнейшая особенность описанного здесь сложного хозяйственного комплекса заключается в том, что внутри него в один общий механизм вовлечено использование чрезвычайно разнообразных в физико-географическом отношении территорий. Высотные пояса весьма заметно различаются климатом, почвами, флорой и фауной. Это дает основания рассматривать их как самостоятельные ландшафты. Не случайно в работах отечественных географов наряду с термином «высотный пояс» иногда используется в качестве синонима термин «ландшафтный пояс»²⁷. Освоение каждого из ланд-

²⁵ Подробнее о традиционной хозяйственной системе памиро-гиндукушских этносов и о характере взаимосвязей между отраслями этой системы см., например: Sney 1993; Jettmar 2001; Коган 2019.

²⁶ В ряде областей посевы имелись также вблизи летних пастбищ, однако роль таких посевов в жизнеобеспечении была в целом второстепенной.

²⁷ См., например, широко известную работу (Щукин, Щукина 1959). Следует отметить, что высотный пояс в целом удовлетворяет ставшему классическим определению ландшафта, данному Л. С. Бергом: «Под именем географического ландшафта (пейзажа) следует понимать область, в которой характер рельефа, климата, растительного покрова, животного мира, населения и, наконец, культуры

шафтных поясов предполагает свою специфическую стратегию адаптации, включающую, в частности, такие аспекты, как требования к хозяйствующему индивиду и оптимальные формы организации труда. Представляется несомненным, что для земледельца в долине и скотовода в субальпийской и альпийской зонах эти требования и формы должны быть весьма различными.

Занятие земледелием в Памиро-Гиндукушском регионе непременно предполагает адаптацию к условиям дефицита земли и воды, каковая возможна лишь при создании эффективной системы распределения того и другого. Для успешного функционирования такой системы в свою очередь необходимы общественные механизмы, обеспечивающие неукоснительное выполнение правил распоряжения обоими главнейшими ресурсами. Ввиду отсутствия сильных государственных институтов подобные механизмы могли возникнуть только в результате самоорганизации социума снизу. Существенно также, что непременным условием их бесперебойной работы является готовность каждого крестьянина подчиняться общепринятым установлениям, в том числе ценой частичного временного отказа от частнособственнических устремлений. Представляется очевидным, что описанные выше запреты и предписания, регламентировавшие разные стороны жизни памирского, гиндукушского и каракорумского горца, относились к числу подобных установлений. Представляется очевидным, что все они имели конечной целью недопущение нерационального использования сельхозугодий и воды, необходимой для их орошения. Сказанное относится и к традиционным мерам по планированию семьи. Их основная задача – смягчение демографического давления на землю, то есть в конечном итоге, опять же, рационализация пользования земельными ресурсами.

Во время пастбы скота в горах предписания и табу, действовавшие в долине, во многом теряли значимость. Хотя пастбища, как уже говорилось, обычно были коллективной собственностью общины или клана, сохранность стада, находившегося в частном владении, зависела прежде всего от правильных спонтанных решений пастуха. Выбор оптимальных маршрутов выпаса и прогона,

человека сливаются в гармоничное целое, типически повторяющееся на протяжении известной (ландшафтной) зоны Земли» (цит. по: Антипова 2006: 3). Для рассматриваемого нами региона необходимо сделать существенную оговорку, касающуюся населения: в нивальном поясе оно отсутствует, а в лесном, субальпийском и альпийском проживает лишь временно.

уход за животными (в том числе оказание им первой медицинской помощи), защита их от хищников и похитителей – все это требовало не столько неукоснительного следования каким-либо общественным установлениям, сколько адекватных действий по ситуации. Поэтому наилучшим образом для занятий скотоводством подходил работник, пользовавшийся значительной индивидуальной свободой и в наименьшей степени скованный теми или иными условностями. Не случайно социальные антропологи считают высокий уровень независимости личности одной из отличительных черт пастушеских сообществ (Goldschmidt 1971).

Едва ли можно сомневаться в том, что рассмотренные выше социальные и психологические аспекты этноландшафтной адаптации имеют прямое отношение к ментальности и системе базовых ценностей, причем ценностные приоритеты земледельца и скотовода явно не совпадают. Если для первого к числу наиболее важных относятся ценности порядка и традиций, то для второго – ценности личности и свободы. В наших недавних публикациях (Коган 2019; 2021a) была отмечена чрезвычайно важная особенность традиционной экономики Памиро-Гиндукушского региона, заключающаяся в том, что каждый хозяйствующий индивид здесь чаще всего являлся как земледельцем, так и скотоводом. Если принять во внимание, что система основных ценностей представляет собой цельное образование, не подверженное ситуативным изменениям²⁸, естественно предположить, что у памиро-гиндукушских этносов постоянными и неотъемлемыми компонентами такой системы должны являться и «земледельческие», и «скотоводческие» ценности. Поскольку два данных ценностных блока во многом противоположны друг другу, представляется несомненной необходимость некоего способа их примирения. Эта необходимость тем более велика, что оба блока, сформировавшись, вероятнее всего, в чрезвычайно давнюю эпоху в ходе длительного и весьма нелегкого поиска оптимальной адаптивной стратегии методом проб и ошибок²⁹, должны

²⁸ Едва ли возможно представить себе ситуацию, когда представитель этноса периодически (скажем, по несколько раз в год) меняет свою ментальность и базовые ценности в зависимости, например, от характера хозяйственной деятельности.

²⁹ Формирование «земледельческих» ценностей, по всей видимости, было неизбежным при адаптации к природным условиям горных долин, «скотоводческий» же ценностный блок, вероятно, сложился у арийских предков большинства памиро-гиндукушских этносов еще на их степной прародине до заселения Памира, Гиндукуша и Каракорума, а в дальнейшем сохранялся, влияя на ход и опреде-

были чрезвычайно глубоко укорениться в коллективном бессознательном.

В исследуемом ареале роль примирительного средства, судя по всему, играли достаточно строгие пространственные и временные ограничения на действия конкретных правил и табу: та или иная совокупность представлений о том, что является обязательным, желательным, запрещенным или дозволенным, в основной своей части распространялась либо только на время сельскохозяйственных работ в долине, либо только на время вертикальных перекочевок со скотом в горах. Общая система, объединяющая все подобные совокупности, представляется весьма сложной. Неукоснительное следование ей особенно трудно, если она полностью или большей частью хранится в индивидуальном сознании. В этом случае каждому члену этнического коллектива пришлось бы держать в памяти непомерное количество информации, включающей разнообразные модели поведения, а также пространственные и временные контексты, в которых этих моделей необходимо придерживаться. Гораздо менее обременительным, однако, соблюдение данной системы правил было бы при условии, что эти правила перешли бы в разряд поведенческих стереотипов, то есть закрепились в коллективном бессознательном. По всей видимости, только при таком переходе подобная система и могла стать по-настоящему жизнеспособной.

Таким образом, есть основания полагать, что сосуществование (и, более того, функционирование в рамках единого комплекса) «земледельческого» и «скотоводческого» ценностных блоков у этносов Памиро-Гиндукушского региона обеспечивалось неким дополнительным (существовавшим помимо обоих блоков) компонентом ментальности этих этносов. Детальное изучение данного компонента представляется нам важной задачей для будущих исследований. Пока можно лишь отметить, что именно с его действием может быть связано наличие в общественной жизни обитателей памирских, гиндукушских и каракорумских селений ряда практик и институтов, игравших роль своеобразных «сдержек и противовесов», то есть ограничивавших влияние других исторически сложившихся в регионе институтов и практик. Один из таких «сдерживающих» институтов – институт искусственного родства – был исследован нами в специальной работе (Коган 2021б). Его важной

для многие особенности освоения ими новых ландшафтов (подробнее см.: Коган 2021а).

задачей, как выяснилось, являлось снижение уровня конфликтности социума путем смягчения некоторых проявлений традиционного для памиро-гиндукушских народов индивидуалистического этоса. Во многом аналогичные функции выполнял отмеченный Л. Кейзером в долине р. Панджора обычай совместного выпаса скота представителями различных кланов (Keiser 2002)³⁰. В обоих случаях ценности порядка и традиций определенным образом препятствовали абсолютизации ценностей личности, свободы и частной собственности, создавая таким образом возможность компромисса между двумя ценностными блоками.

Можно предположить, что внутренне противоречивые и при этом содержащие некий «уравновешивающий» компонент системы базовых ценностей в той или иной степени характерны для многих этнических коллективов, чей вмещающий ландшафт включает несколько разных, изначально самостоятельных природно-территориальных комплексов, объединенных в единую систему лишь благодаря хозяйственной деятельности человека. Если данное предположение верно, следует признать, что исследование Памиро-Гиндукушского региона с позиций социоестественной истории может дать немало сведений, весьма ценных для изучения взаимодействия человека и природы во множестве разных регионов земного шара, в частности тех, для которых характерна высотная зональность.

Литература

Андреев, М. С. 1958. *Таджики долины Хуф (верховья Аму-Дарьи)*. Вып. II. Сталинабад: Изд-во АН Таджикской ССР. 527 с.

Антипова, А. В. 2006. Вмещающий ландшафт (географический смысл и эколого-ресурсное содержание). *История и современность* 2: 3–23.

Громбчевский, Б. Л. 2019. *Путешествия по Центральной Азии*. СПб.: Нестор-История. 374 с.

Грюнберг, А. Л., Стеблин-Каменский, И. М. 1974. Этнолингвистическая характеристика Восточного Гиндукуша. В: Брук, С. И. (ред.), *Проблемы картографирования в языкознании и этнографии*. Л.: Наука, Ленингр. отд-е. С. 276–283.

Гумилев, Л. Н. 1989. *Этногенез и биосфера Земли*. Л.: Изд-во ЛГУ. 495 с.

³⁰ Утрата этого обычая, возможно вследствие распространения в долине фундаменталистского ислама, стала, по мнению ученого, одной из причин необычайного роста уровня насилия и беспрецедентного усиления влияния на повседневную жизнь института кровной мести (Keiser 2002).

Йеттмар, К. 1986. *Религии Гиндукуша*. М.: Наука. 524 с.

Коган, А. И.

2019. Некоторые проблемы изучения Памиро-Гиндукушского региона с позиций социоестественной истории. *История и современность* 1: 3–16. DOI: 10.30884/iis/2019.01.01.

2021а. Социоестественные аспекты формирования традиционной хозяйственной системы Памиро-Гиндукушского региона. *История и современность* 1: 3–27. DOI: 10.30884/iis/2021.01.01.

2021б. К вопросу о происхождении и функциях искусственного родства у народов Памиро-Гиндукушского региона. *История и современность* 4: 3–19. DOI: 10.30884/iis/2021.04.01.

Корогаев, А. В. 1995. Горы и демократия: к постановке проблемы. *Восток. Афро-азиатские общества: история и современность* 3: 18–26.

Кульпин, Э. С.

1995. Феномен России в системе координат социоестественной истории. *Иное. Хрестоматия нового российского самосознания*. Т. 1. *Иное. Россия как предмет*. URL: <http://old.russ.ru/antolog/inoe/kulpin.htm> (дата обращения: 18.11.2022).

1996. *Бифуркация Запад – Восток. Введение в социоестественную историю*. М.: Московский лицей. 200 с.

1999. *Восток. Человек и природа на Дальнем Востоке*. М.: Московский лицей. 272 с.

2008. *Золотая орда: судьбы поколений*. М.: ИНСАН. 192 с.

2011. Технологическое зеркало общества. *Историческая психология и социология истории* 1: 124–141.

2014. *Социоестественная история: от метода к теории, от теории к практике*. Волгоград: Учитель. 336 с.

2016. Научное завещание. Основные понятия, постулаты и методология социоестественной истории. *История и современность* 1: 5–11.

Кульпин, Э. С., Клименко, В. В., Пантин, В. И., Смирнов, Л. М. 2005. *Эволюция российской ментальности*. М.: ИАЦ-Энергия. 188 с.

Кульпин, Э. С., Пантин, В. И. 1993. *Решающий опыт*. М.: Московский лицей. 133 с.

Лужецкая, Н. Л. 1986. *Очерки истории Восточного Гиндукуша во второй половине XIX в.* М.: Наука. 156 с.

Мичурин, В. А. (сост.). 1993. Словарь понятий и терминов теории этногенеза Л. Н. Гумилева. В: Гумилев, Л. Н., *Этносфера: История людей и история природы*. М.: Экопрос. С. 493–542.

Мухиддинов, И. 1984. *Этнографические аспекты высокогорного земледелия Западного Памира и сопредельных областей (XIX – начало XX века)*: дис. ... д-ра ист. наук. М. 445 с.

Щукин, И. С., Щукина, О. Е. 1959. *Жизнь гор. Опыт анализа горных стран как комплекса поясных ландшафтов*. М.: Гос. изд-во геогр. лит-ры. 287 с.

Barth, F. 1956. *Indus and Swat Kohistan, an Ethnographic Survey*. Oslo: Forenede Trykkerier. 97 pp.

Biddulph, J. 1880. *Tribes of the Hindoo Koosh*. Calcutta. 164 pp.

Dani, A. H. 1991. *History of Northern Areas of Pakistan*. Islamabad: National Institute of Historical and Cultural Research. 532 pp.

Di Carlo, P. 2007. The Prun Festival of the Birir Valley, Northern Pakistan, in 2006. *East and West* 57(1/4): 45–100.

Frembgen, J. W.

1997. Review of Irrigation and State Formation in Hunza: The Anthropology of a Hydraulic Kingdom by H. Sidky. *Asian Folklore Studies* 56 (2): 433–436.

1999. Indus Kohistan: An Historical and Ethnographic Outline. *Central Asiatic Journal* 43(1): 70–98.

Goldschmidt, W. 1971. Independence as an Element in Pastoral Social Systems. *Anthropological Quarterly* 44(3): 132–142.

Israr-ud-Din. 1996. Irrigation and Society in Chitral District. In Bashir, E., Israr-ud-Din (eds.), *Proceedings of the Second International Hindukush Cultural Conference*. Karachi: Oxford University Press. Pp. 19–42.

Jettmar, K.

1983. Indus-Kohistan. Entwurf einer historischen Ethnographie. *Anthropos* 78(3/4): 501–518.

2001. Northern Areas of Pakistan – an Ethnographic Sketch. In Dani, A. H. (ed.), *History of Northern Areas of Pakistan (up to 2000 A.D.)*. Lahore: Sang-e-Meel Publications. Pp. 68–96.

Keiser, L. 2002. *Friend by Day, Enemy by Night. Organized Vengeance in a Kohistani Community*. N. p.: Cengage Learning. 131 pp.

Kreutzmann, H. 1989. *Hunza: ländliche Entwicklung im Karakorum*. Berlin: Dietrich Reimer Verlag. 272 S.

Kussmaul, F. 1965. Badaxšan und seine Tağiken. *Tribus* 14: 11–99.

Müller-Stellrecht, I. 1979. *Materialien zur Ethnographie von Dardistan (Pakistan)*. Graz: Akademische Druck- und Verlagsanstalt. 260 S.

Parkes, P.

2001. Alternative Social Structures and Foster Relations in the Hindu Kush: Milk Kinship Allegiance in Former Mountain Kingdoms of Northern Pakistan. *Comparative Studies in Society and History* 1(43): 4–36.

2005. Indigenous Polo in Northern Pakistan: Game and Power on the Periphery. In Mills, J. A. (ed.), *Subaltern Sports: Politics and Sport in South Asia*. London: Anthem Press. Pp. 61–82.

Robertson, G. S. 1896. *The Kafirs of the Hindu-Kush*. London: Lawrence & Bullen, Ltd. 667 pp.

Rokeach, M. 1973. *The Nature of Human Values*. New York: The Free Press. 438 pp.

Schmidt, M. 2008. Land Use, Land Administration and Land Rights in Shigar, Baltistan. *Modern Ladakh. Anthropological Perspectives on Continuity and Change*. Leiden: Brill. Pp. 243–265.

Schomberg, R. C. F. 1935. *Between the Oxus and the Indus*. London: Hopkinson. 275 pp.

Sidky, H. 1997. Irrigation and the Rise of the State in Hunza: A Case for the Hydraulic Hypothesis. *Modern Asian Studies* 31 (4): 995–1017.

Snoy, P.

1975. *Bagrot. Eine Dardische Talschaft im Karakorum*. Graz: Akademische Druck- und Verlagsanstalt. 245 S.

1993. Alpwirtschaft im Hindukusch und Karakorum. In Schweinfurth, U. (Hrsg.), *Neue Forschungen im Himalaya, Erdkundliches Wissen*. Vol. 112. Stuttgart: Steiner. S. 49–73.

Zarin, M. M., Schmidt, R. L. 1984. *Discussions with Hariq: Land Tenure and Transhumance in Indus Kohistan*. Berkeley, CA: University of California, Center for South and Southeast Asia Studies. 70 pp.